

П.П. Блонский

Современная философия

Часть 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
П11

П11 **П.П. Блонский**
Современная философия: Часть 2 / П.П. Блонский – М.: Книга по Требованию,
2014. – 52 с.

ISBN 978-5-458-54638-6

ISBN 978-5-458-54638-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

говорить в пользу практической точки зрения, именно, что все они—умственные способы приспособления к действительности, а не какие то откровения или логические решения какой-то божественной мировой загадки?

Дело в том, что истина вовсе не является инертным, статическим отношением между представлением и действительностью. Прагматизм иначе ставит вопрос. Допустим, что какаянибудь идея или какое-нибудь убеждение истинны; какую конкретную разницу внесет этот момент истинности в нашу действительную жизнь? Какие опыты будут протекать иначе, если бы разбираемое убеждение оказалось ложным? Какова, говоря короче, наличная ценность истины, выраженная в терминах опыта?

Дело в том, что истинные идеи—те, которые мы можем усвоить себе, подтвердить, подкрепить и проверить, а ложные идеи—те, с которыми мы не можем проделать этого. Истина какой-нибудь идеи не неизменное, неподвижное свойство, заключающееся в ней. Истина *случается* с идеей. Идея *становится* истинной, делается истинной благодаря событиям. Ее твердость есть процесс ее подтверждения, при чем под подтверждением и проверкой истинности мы понимаем способность данной идеи успешно водить нас через поле опыта. Обладание истинными идеями обозначает всегда также и обладание драгоценнейшими орудиями действия.

Соответствие действительности в широком смысле слова может означать лишь то, что либо мы ведем прямо к ней или в ее окрестность, либо, что мы приведем в такое „делющее“ соприкосновение с ней, что в состоянии лучше (в теоретическом или практическом отношении) воздействовать на нее или нечто связанное с нею. Иначе говоря, соответствие сводится к вопросу о вождении от бесплодного и бесполезного мышления, от одиночества эксцентричности к полезным чувственным вещам и полезным системам слов и понятий, к последовательности и устойчивости, к легкости в общественных сношениях. Мы должны найти теорию, которая в состоянии служить нам, внося как можно меньше изменений в концепции здравого смысла и в наши прежние убеждения и в то же время ведя к некоторым фактическим результатам, которые можно точно проверить. „Истинное“, говоря кратко, есть просто лишь удобное в способе нашего мышления, подобно тому, как „справедливое“ есть лишь удобное в смысле нашего поведения. Истина *делается*, приобретает в ходе опыта, как приобретается здоровье, богатство, телесная сила. Словом „истина есть удобное мышление“ и „истина растет“, а наша обязанность согласоваться с действительностью основывается на целой сложной сети конкретных выгод. Такова прагматическая концепция истины.

2. Итак, исходя из прагматических принципов, мы не в праве отвергнуть ни одной гипотезы, из которой вытекают полезные для жизни следствия. С этой точки зрения Джемс не отвергает и религии, психологию которой он исследовал в книге: „Вариации религиозного опыта. Этюды о человеческой природе“.

В этой книге он исследует религию исключительно как личное переживание, т.-е. как совокупность чувств, действий и опыта отдельной личности, поскольку их содержанием устанавливается отношение личности к тому, что она считает божеством, при чем „Божеством“ мы называем то, что вызывает в нас своеобразное „торжественное“ чувство: восторженность, окрашенная торжественным чувством, является характернейшей чертой религиозного переживания. Благодаря этому, религия делает для человека легким и радостным то, что при других обстоятельствах является для него игом суровой необходимости. Тем самым биологическая ценность религии вне сомнений. Суммируя все существенные черты религиозной жизни, мы получаем следующую формулировку входящих в нее верований: 1) видимый мир является лишь частью иного, духовного мира, в котором он черпает свой главный смысл; 2) истинной целью нашей жизни является гармония с этим высшим миром; 3) молитва или внутреннее общение с духом этого горнего мира—„Бог“ ли это или „Закон“—есть реально протекающий процесс, в котором проявляется духовная энергия, и который порождает известные психические и даже материальные последствия в феноменальном мире; 4) религия придает жизни новую прелесть, которая принимает форму лирического очарования или стремления к суровости и героизму; 5) религия порождает уверенность в спасении, душевный мир и влияет силы и чувство любви.

Религия, так описываемая, вовсе не является анахронизмом или пережитком. Правда, получая всегда свое выражение в терминах личной жизни, религия сталкивается с безличной и объективной наукой. Но Джемс не стремится стать на сторону безличного научного мышления, которое он считает поверхностным: пока мы мыслим в космических и общих терминах, мы имеем дело только с символами действительности, но как только мы приближаемся к отдельным индивидуальным явлениям,—мы касаемся уже подлинных реальностей в точном смысле этого слова. Объекты науки абстрактны, и только индивидуальный опыт конкретен, и религия, в противоположность науке, живет в области конкретного. Религия, занимаясь судьбами личности, призвана неизбежно и на веки играть роль в истории человечества. Именно, все религии содержат в себе душевное освобождение от страдания: страдание состоит в чувстве, что со мною, каков я есть *теперь*, происходит что то дурное; освобождение состоит в чувстве, что *я спасен от зла*, благодаря приобщению к высшим силам. Человек начинает сознавать, что высшая часть его существа родственна *чему-то*, проявляющемуся во внешнем мире, общему ей по качеству, но бесконечно *превосходящему* ее; в то же время он постигает, что может приобщиться к этому „нечто“ и спастись, если его низшее „я“ будет окончательно им подавлено. Религия имеет огромное биологическое значение.

Но есть ли это „нечто“ только продукт нашего воображения, или же оно есть реальное бытие? Чем бы ни было *в потустороннем* это „нечто“, *по эту сторону* оно является подсознательным

продолжением нашей сознательной жизни, вторгающимся из тайников нашего духа. В этом смысле оно совершенно и объективно истинно во всем своем объеме, ибо последние пределы нашего существа, по видимому, пребывают в совершенно иной (мистической или сверхъестественной) области бытия, чем наш чувственный и „достигаемый“ мир. Мы больше и интимнее всего живем в том мире, в котором живут и рождаются наши духовные стремления и идеалы, и который действует на наш видимый мир. Бог существует, так как он производит реальные действия. Где есть бог, там трагедия только временна и частична.

Итак, прагматизм может быть реалистичен, раз мы стали на точку зрения меллоризма. Гипотеза о Боге действительно хорошо служит нам. Веря, что мы находимся в таком же отношении к совокупности вселенной, в каком находятся наши комнатные собачки и кошки к совокупности человеческой жизни, т.е. веря, что мы являемся только касательными к высшим типам жизни, мы можем, на основании религиозного опыта, верить, что (как многие из идеалов собак и кошек совпадают с нашими идеалами) существуют высшие силы, занятые тем, чтобы спасти мир в смысле наших собственных идеалов.

Прагматическая религия—меллористический теизм.

3. Прагматизм является реакцией против монизма, абсолютизма и интеллектуализма. По мнению Джемса, цель наших стремлений—ни единство, ни разнообразие, но цельность. С прагматической точки зрения, мир един во многих отношениях: 1) как чисто словесное или логическое единство (просто слово „единный“, „мир“, „вселенная“),— 2) как непрерывность частей, 3) как взаимодействие частей, 4) как единство происхождения, 5) как родовое единство („бытие“), 6) как единство цели, 7) как эстетическое единство, 8) как единый познающий субъект. Фактически сейчас именно из единого субъекта вытекают все другие формосоединения частей мира в единую логически-эстетически-теологическую картину. Но мы совершенно не в состоянии ясно представить себе картину мира, как она рисуется абсолютному субъекту познания. Абсолютный монизм покоится скорее не столько на логических, сколько на мистических основаниях. Но, вообще говоря, мир есть единое лишь постольку, поскольку мы узнаем из опыта связанность его. Он есть единое в стольких отношениях, сколько мы наблюдаем различных типов соединения, но он также и не есть единое в стольких отношениях, сколько мы наблюдаем различных типов *разъединения*. Мы должны отвергнуть как абсолютный монизм, так и абсолютный плюрализм. Прагматизм признает мир „здорового смысла“, в котором мы застаем вещи отчасти соединенными, отчасти разъединенными. Мир становится все более и более объединенным, благодаря тем системам связей, которые одна за другой создает человеческая энергия, и абсолютного единства надо было бы скорее ожидать в конце вещей, а не в начале их, почему понятие „Абсолютного“ следовало бы заменить понятием „Окончательного“.

Но если так, то теперь мы должны стоять на плюралистической точке зрения, и Джемс защищает радикальный плюрализм, плюралистический монизм. С точки зрения Джемса *„может быть“* действительность существует в раздельной форме, не в виде чего-нибудь единого целого, а в виде **каждого** единичного, т. е., так, как она нам кажется. „Во всяком случае, единичное настолько реально, что может являться всякому человеку, тогда как абсолют до сих пор непосредственно являлся лишь немногим мистикам, да и тем крайне смутной“. Легко догадаться, что Джемс, следовательно, явится противником Гегеля и англо-американских гегельянцев.

Мы знаем уже, что религиозные переживания подтверждают понятие более широкой жизни, часть которой составляем и мы. При этом, если мы желаем избежать парадоксов монизма, мы должны признать, что эта жизнь конечна, иными словами, что бог — конечное существо. Стоя на плюралистической точке зрения, видящей в боге не абсолют, но часть мировой системы, можно считать функции бога не безусловно отличными от функций других частей вселенной, следовательно, можно считать их аналогичными нашим собственным функциям. Таким образом, в плюралистическом монизме наше отношение к богу оказывается менее всего отчужденным, более всего интимным.

Вообще плюрализм решительно привлекает к себе Джемса, но плюрализм именно прагматический. Смысл его заключается в незавершенности плюралистической вселенной, которая сама может исправлять эту незавершенность при помощи нас, так как мы своими действиями восполняем отчасти то, что в ней не связано. Таким образом, в плюрализме философия и действительность, теория и действие работают в одной сфере. В этой сфере находит себе место и религия с богом, при чем, однако, последний понимается Джемсом весьма своеобразно.

4. История прагматизма начинается с статьи Пирса „Как сделать наши идеи ясными“? Пирс исходит из факта, что неясность возбуждает в нас неприятное чувство, освободиться от которого мы можем только благодаря „верованию“, дающему нам устойчивость. При этом, в конечном итоге, речь идет не об индивидуальном, но о коллективном веровании. Но авторитет коллективного верования грозит духовным рабством. Поэтому мы ищем такой способ, благодаря которому возникновение наших верований не коренилось бы в человеческой природе, но вытекало бы из чего-то внешнего, неизменного, независимого от нас.

Итак, единственная функция нашей мысли — производить верование, иными словами, покой мысли, ибо существенным признаком мысли является установление привычки. Поэтому, чтобы раскрыть значение мысли, надо просто определить те привычки, которые она производит, ибо значение вещи состоит в тех привычках, которые она за собою влечет. Но характер привычки зависит от того способа, посредством которого она может заставить нас действовать не только при том или другом обстоятельстве, но и при ~~всех возможных обстоятельствах~~. А так как целью вся-

кого действия является достижение некоторого ощутимого результата, то нет оттенков в значениях, настолько тонких, чтобы они не могли создавать различие на практике.

Итак, надо рассматривать, каковы те практические действия, которые, по нашему мнению, производит объект нашего понимания. Понимание всех этих действий и есть полное понимание самого объекта. Реальность, как и все другие качества, заключается в ощутимых характерных действиях, производимых предметами, которые обладают этими действиями. Единственное действие вещей реального мира состоит в том, что они поражают верования, при чем истинное верование коллективное: истиной мы называем то мнение, которому предназначено объединить в конце концов всех исследователей; объект же этого мнения есть реальность. Таков прагматизм („прагма“ — действие, практика) Чарльса Пирса.

5. В настоящее время „логиком“ прагматизма является Джон Дьюэ (Dewey). Дьюэ развивает „инструментальную“ точку зрения на истину и обосновывает „экспериментальную теорию познания“. По мнению Дьюэ мысль истинна, как орудие логической работы, т.-е. инструментально. Реальность есть то в опыте, чем мы интересуемся как предметом наших затруднений, а „идея“ — то, что помогает выйти из затруднения. Она является лишь планом действия, и все значение ее состоит лишь в том, как она служит действию, в качестве средства или стимула для него. Истинна только та идея, которая приводит к действию, соответствующему имеющейся цели. Именно проверка (verification) идеи и создает истину (verum facit). Я слышу шум на улице и думаю, что это шум от экипажа. Чтобы проверить справедливость этой моей идеи, я подхожу к окну и, при помощи преднамеренного глядения и слушания (глядение и слушание — виды моих поступков), организую в единую систему элементы „факта и идеи“ (прежде они были соединены лишь гипотетически, реально же были разъединены). Так, благодаря моему реагированию приспособленным к идее способом, идея *делается* истиной. Идея, приводящая путника домой, и есть истинная идея. Идея есть план для нашей ориентировки, и, во время этой ориентировки проверяясь и испытываясь, она *делается* истиной. Истина вовсе не является какой-то высшей реальностью. Истина вовсе не является чем-то принадлежащим самим идеям, как таковым. Для логики и для теории познания было бы большим выигрышем, если бы мы всегда вместо существительного „истина“ употребляли прилагательное „истинное“, а затем и вместо этого прилагательного — наречие „истинно“. Истинность идеи является лишь своеобразной окраской специфической характеристики нашего практического отношения к вещи. Идея *делается* истиной в процессе практической верификации ее, после того, как „идея успешно проработала“, напр., привела домой. Успешная работа идеи и является сущностью истинности ее.

Итак, проверенная действием идея, „план действия“, является истиной. Мы пробуем, испытываем идею в ее действиях.

Мы экспериментируем ею. В этом смысле мы можем назвать нашу теорию познания экспериментальной теорией познания. Что же касается взгляда на реальность, то Дуэ стоит на точке зрения „непосредственного эмпиризма“.

6. Пирс, Джемс и Дуэ являются представителями американской философии. В Англии же виднейший прагматист — Ф. Шиллер, находящийся также под сильным влиянием персоналистического идеализма с его полемикой против гегельянства.

Шиллер формулирует сущность прагматизма в семи определениях. Исходя из того, что человек всегда мыслит ради определенной цели, и что истинность состоит в испытанном соответствии выводов из мысли цели, т.-е. в ценности их для практического опыта, Шиллер утверждает: прагматизм есть учение, согласно которого истины суть „логические ценности“; он также есть метод, подвергающий все притязания на истину систематическому испытанию соответствующим образом. Таким образом получается второе определение: прагматизм, как учение, провозглашает, что истинность какого-либо утверждения зависит от его применения. Точно так же формулируется прагматизм, как метод: смысл правила заключается в его применениях.

Следующие три определения подчеркивают телеологию в качестве предпосылки прагматизма: 4) все получает значение от намерения; 5) вся духовная жизнь — целевая; 6) прагматизм есть систематический протест против игнорирования целевого характера познания.

Таким образом, прагматизм есть только следствие: прагматизм есть сознательное применение к теории познания (или логике) телеологической психологии, которая, в конце концов, содержит в себе в скрытом виде волюнтаристическую метафизику.

Прагматизм есть теория познания более общего мирозерцания, которое Шиллер называет гуманизмом. Гуманизм состоит в понимании того, что проблема философии ставится перед человеческими существами, которые стремятся постигнуть своим человеческим умом форму человеческого опыта. Платон обезчеловечил истину, сделал ее независимой от целей человека, абсолютной, вечной. Но независимость истины может означать лишь отбор в пользу элементов высшей ценности, добытых опытом; абсолютная истина есть лишь идеал полного удовлетворения всякого человеческого стремления; вечность истины есть последняя применимость истины. Человек является мерою всех вещей, и философия должна вернуться „от Платона к Протагору“. Мир есть, по своему существу, *hyle* (не имеющая формы материя). Он есть то, чем мы его делаем. Бесполезно было бы определять его через то, чем он первоначально был, или через то, что он такое отдельно от нас. Он *есть* то, что из него *делают*. Таким образом, мир пластичен. Конечно, существует первичное данное, первичная реальность, которая служит для всех последующих комбинаций. Наличие (the *that*) действительности принадлежит ей самой. Но содержание (the *what*) ее зависит от выбирающего, т.-е. от нас. Бесформенный хаос действительности постепенно обрабаты-

вается нами, и то, что удачно работает в этом процессе работы для нас, и есть истина. Наши интересы являются доминирующим фактором в познании, и истина наших мыслей означает их способность „работать“ на нас.

В свете гуманизма предстает у Шиллера и религия. Нечего говорить о том, что Шиллер является заклятым врагом абсолютного идеализма с его интеллектуализмом и с его отчужденным Абсолютом. В религии Шиллер подчеркивает антропоморфизм: боги реальны в качестве идеальных ответов на реальные человеческие потребности, которые вызывают наше реальное действие.

Прагматизм пользуется популярностью в романских странах, особенно в Италии. Вождем итальянских прагматистов является Папини. По мнению Папини, прагматизм не имеет никаких особых догматов и теорий. Прагматизм есть только метод. Он расположен посреди наших теорий, подобно корридору в гостинице, в который выходит бесконечное количество номеров. В одном из этих номеров находится атеист, в другом—верующий, в третьем—ученый, в четвертом—метафизик, в пятом—позитивист. Но корридор принадлежит всем и служит им удобным путем в их комнаты. Значение прагматизма состоит в том, чтобы сделать наши верования и теории „менее тугими“, признать за ними лишь значение орудий, средств для той или иной цели, средств, всегда могущих, поэтому, быть преобразованными. „Папини, вождь итальянских прагматистов, выпадает прямо в дианамбический тон, когда он говорит о божественно-творческой силе, приписываемой нашей теорией человеку“ (Джемс).

Этот энтузиазм доведен до крайности у Преццолини. Преццолини мечтает о том, как „рассуждающее животное“ уступит „животному-творцу“, и человек станет Богом. Произвольно создавая, произвольно творя и изменяя мир, он будет скорее магом, нежели ученым. Он мечтает об ортопедическом институте для исправления веры и о воздействии на умы не посредством речи, но исключительно внушением.

8. Во Франции приближаются к прагматизму те религиозные учения, которые известны под именем фидеизма и символизма. Ярким представителем фидеизма является Э. Менегоз. Менегоз определяет сущность фидеизма формулой: спасение через веру, независимо от частных верований. Спасаящая вера есть дар, приносимый сердцем богу. Нас спасает не знание, но „движение“ нашего внутреннего существа к богу. Истины Откровения суть только символы, и мы обладаем адекватным познанием истины. Эти символы истолковываются верующим сознанием.

Символизм находится в тесной связи с тем движением в современном католицизме, которое известно под названием модернизма. Модернисты смотрят на истины Откровения только как на символы, но символ, в их глазах, не есть искусственная или ложная идея: „он представляет собой реальность sui generis, которой вера сообщает огромную ценность, до такой степени, что вера делает из символа действительное средство и благодетельный случай для возвышения духа и более глубокого религиозного

проникновения. Представителем этого течения является Луази. По мнению Луази, наши восприятия не исчерпывают реальности. Еще менее достигают этого наши понятия. Церковная формула не есть абсолютная истина и не дает полного определения реальности представляемого ею предмета. Она служит лишь символом абсолютной истины, но пока церковь не найдет своевременным видоизменить ее путем разъяснения, эта формула является наилучшим выражением истины. Верующий сердцем присоединяется к полной и абсолютной истине, которая изображается в несовершенной и относительной формуле. Полное присоединение к данной формуле означало бы примирение с неизбежными несовершенствами этой формулы, провозглашение ее неподдающейся улучшению и адекватной, тогда как она неадекватна и несовершенна. Таким образом, католик может верить в авторитет и церкви и ее учения, но это еще не обязывает его думать, что церковные формулы означают свой предмет с такой точностью, которую никакое истолкование не может ни в чем изменить.

Отчасти близок к Луази Эдуард Леруа. По мнению Леруа, „факты создаются ученым“, который производит выбор, сопоставления, классификации, обобщение, давая, в конце концов, не познание действительности, но ряд действительных правил, полезных для наших действий. Точно также и религиозный догмат имеет, главным образом, практический смысл. Он, прежде всего, высказывает предписание практического характера и является формулой, выражающей правило практического поведения. В этом состоит его главная ценность. „Бог-личность“, это значит: „ведите себя по отношению к богу так, как вы ведете себя по отношению к человеческой личности“. Равным образом, „Иисус воскрес“ означает: „будьте по отношению к нему такими же, какими вы были бы до его смерти, какими вы бываете по отношению к современнику. Точно также догмат о действительном пресуществлении должен означать, что перед св. Дарами надо вести себя не иначе, чем пред лицом Иисуса, ставшего зримым.

Догма сама по себе имеет практический смысл. Но ей соответствует мистическая действительность, и догма ставит перед умом теоретическую проблему. Человеческий дух овладевает последней, и пока теория относится с уважением к практическому значению догмы, последняя предоставляет ей полную свободу действия. Но пусть только возникнет теория, наносящая удар догме, изменяющая практическое значение последней тогда догма немедленно восстанет против такой теории и осудит ее. Католик, приняв догму, сохраняет полную свободу вырабатывать себе какую угодно теорию, напр., о божественной личности, о пресуществлении или воскресении. Он обязан только, чтобы его теория оправдывала практические правила догмы.

Таково учение Леруа о „догме и критике“. Леруа играет большую роль во французской философии. В самом начале 20 в. большой шум вызвал его спор с членами французского философского общества, и его крайний „прагматизм“ (правда, весьма своеобразный) и тезис: „ученый делает научные факты“ вызвали

критику даже со стороны Пуанкаре. Во второй половине первого десятилетия он шел во главе французского модернизма против католицизма традиционного. Сейчас он развивает философию синдикализма.

9. Совершенно независимо от англо-американцев назвал прагматизмом свою философию Морис Блондель. Однако, правильно было бы, во избежание недоразумений, назвать его философией философии действия. Блондель учит о примате действия, по которому понимает то, что охватывает собою умственные способности, предшествуя им, следуя за ними и опережая их, т. е. то, что является скорее синтетическим, внутренним в мысли, нежели объективным. Однако, подчеркивая первенствующее значение действия, Блондель вовсе не развешивает теории: теория и практика не играют двойной роли и не относятся друг к другу, как внешнее и внутреннее. Ни действующий не освобождается от мышления, ни мыслящий — от действия, ибо действие и идея равносильны. Для человека жизнь не в жизнь без действия, точно также, как мысль без жизни уже не мысль.

Философские взгляды Блонделя и, особенно, Леруа в настоящее время оказывают большое влияние на французский синдикализм. Под синдикализмом следует понимать особую форму рабочего движения. Синдикализм не придает значения теоретическим, напр., религиозным или политическим разногласиям. В противоположность политическим партиям, религии, анархизму, социализму, синдикализм придает значение не программе, но действию: мнения разъединяют рабочих, но действие объединяет. Вся философия рабочего движения сводится к постоянному действию. Действие, а не мнение, практика, а не программа, определяют единство и успех самостоятельного рабочего движения.

Одним из наиболее крупных философов синдикализма является Жорж Сорель. По мнению Сореля, при всеобщем разрушении учреждений и нравов, все же, остается нечто могущественное, новое и неприкосновенное: это то, что составляет пролетарскую душу. Ее не увлечет за собой общий развал моральных ценностей, и именно революционный синдикализм есть великая воспитательная сила, которой обладает современное общество для подготовки рабочих к будущему. У рабочих должно хватить силы и энергии прекратить путь буржуазным разрушителям, отвечая на их выступления своим „насилием“, имеющим совсем не то историческое значение, которое ему приписывают поверхностные ученые и политики.

Рабочие синдикаты, прекрасно воспитывающие классовое сознание пролетариата, носят в себе зародыши нового индустриального общества, новой философии действия, новой морали производителя. „Мы хотим творческой эволюции, создающей новые социальные формы“ в непрерывном и непосредственном революционном действии. Окончательной формой такого действия является всеобщая стачка. Если даже и допустить, что всеобщая стачка неосуществима, то все же, по мнению Сореля, подобно ожиданию тысячного года у христиан, она, в качестве мифа, является мо-

гучим стимулом. Поэтому учение о ней должно быть удержано. Социализм не догма, а действие, не конечная формула, а движение. Он — та философская концепция, которая призвана освятить социальную борьбу.

10. Прагматизм часто охотно связывает себя с учением Канта о примате чистого практического разума (Пирс, Шиллер): „Всякий интерес носит практический характер; даже интерес умозрительного разума лишь условен и достигает полноты только в практическом употреблении“. Учение Канта о постулатах практического разума и его религиозная философия также весьма напоминают прагматизм.

Прагматизм развился в страстной полемике против абсолютного идеализма. В этой полемике американские прагматисты (Джемс, Дьюэ) развивают „радикальный“, „непосредственный“ эмпиризм, и воображение Джемса охотно рисует Джона Стюарта Милля вождем прагматистов, будь он в настоящее время живым. Английский же прагматизм (Шиллер) в своем антиинтеллектуализме, антиабсолютизме сближается с персоналистическим идеализмом. Что же касается фидеизма, символизма и модернизма, то эти, лишь отчасти соприкасающиеся с прагматизмом, течения стремятся, с одной стороны, реформировать религиозную догму в духе современности, с другой же, стремятся не рвать с практической церковной верой. Они как бы хотят мыслить, как современники, и жить, как ортодоксальные верующие. Наконец, французская „философия действия“ находится в связи с той традиционной французской „философией свободы“, ярким представителем которой в наше время является Анри Бергсон.

11. Знаменитая статья Пирса „How to make our ideas clear“ была напечатана в Popular Science Monthly, 1878 (перев. в Revue Philos. 1879; там же в 1878 г. его же статья „La logique de la science“); ср. его статью о прагматизме в Dictionary of Philosophy and Psychology Болдуина, а также статьи в Monist 1890—93, и в Hilbert Journal, 1908.

Важнейшие сочинения Джемса 1) Прагматизм, П-гр 1910, изд. „Шиповник“; 2) Зависимость веры от воли и др. опыты попул. философии, 3) Вселенная с плюралистической точки зрения, М. 1911; 4) Essays in Radical Empiricism; 5) The Meaning of Truth; 6) Some Problems of Philosophy (посмертное сочинение), 7) Многообразие религиозного опыта, М. 1910, 8) Ingersoll Lectures on Human Immortality; 9) Психология, пер. И. И. Маршина (а также статья „Существует ли сознание“ в сб. Нов. изд. в фил., № 4). На русском языке о прагматизме см. 1) Эбер, Прагматизм, П-гр. 1911, 2) Мокеевский, Прагматизм в философии (ж. „Русск. Бог.“, 1910, № 5—6), 3) Франк, Прагматизм как гносеологическое учение (сб. Нов. изд. в фил., № 7); 4) Я. Берман, Сущность прагматизма, М. 1911, 5) Юшкевич, О прагматизме (приложение к пер. „Прагматизма“ Джемса). О философии Джемса: 1) Кнох (учения Джемса), The Philosophy of W. James, 1914 (дает генезис ее); 2) Perry, The Philosophy of W. James, в Philos. Review, 1911; перепеч. в его книге: Present Philos. Tendencies. Главнейшие философские сочинения Дьюэ: 1) Studies in logical Theory, 1903 (основной труд); 2) The experimental Theory of Knowledge (Mind, 1906); 3) Reality and the criterion for truth of ideas (Mind, 1907); 4) What pragmatism means by practical (в Journ. of Phil 1908); 5) Objects, Data and Existents (в Journ. of Philos. 1909); 6) Психология и педагогика мышления (How we think), М. изд. „Мир“; 7) Perception and Organic Action (в Journ. of Phil. 1912, очень важная критика Бергсона); 8) Ethics; 9) The Bearing of Pragmatism upon Education (в Progress. Journ. of Education). На русском языке о Дьюэ см. Бермана и Мокеевского. Основные труды Шиллера: 1) Humanism, 1903; 2) Studies in Humanism, 1907; 3) The Riddles of Sphinx; 4) Axioms as Postulates; 5) Formal Logic: A Scientific and Social Prob-